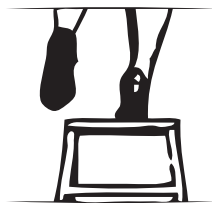

Библиотека Анархизма

Антикопирайт

1 июля 2014

Эрих Мюзам

Смертоубийство

Эрих Мюзам
Смертоубийство
1914

Периодически удивляют сограждане, даже те, что обитают в сферах духовной деятельности, серьёзно подразумеваемыми аргументами против требований элементарной человечности. Всё время повторяешь фразу, что это всё-таки было бы естественно, если бы люди друг другу помогали и пытались бы при внешнем и внутреннем мире добиться справедливости между работой и потреблением; и всё время встречаешь самоуверенную, сострадательную улыбочку мировой мудрости, которая умеет защищать войну и шпионаж, эксплуатацию и угнетение, как желаемую Богом и прекрасную необходимость. Постепенно уже начинаешь стыдиться повторять снова и снова общие фразы о морали, что война плоха и отвратительна, мир – хорош, естественен и необходим. Но мы хотим ещё тысячу раз опровергнуть доводы других, чтобы не стоять перед потомками в смехотворной позе тех, кто отчаивается и капитулирует пред лицом глупости и сердечного холода.

В этот век хитроумнейшей технической цивилизации для изобретательского духа всё ещё нет более достойной цели, как улучшение военных инструментов убийства. Чьи ружья и пушки дальше стреляют, быстрее заряжаются, тому и венец. Уродливое и гротескное идут рука об руку сквозь двадцатое столетие и призывают народы восхищаться совершенством мира.

Так выглядит сегодня наша культура: сотни тысяч молодых работоспособных и половозрелых мужчин отрываются от своих занятий, облачаются в комично-пёстрые мундиры с блестящими пуговицами, покрытыми позолоченной жемчужной металлическими головными уборами и нумерованными погонями. На боку у них висит длинный нож, остро заточенный, годный как для того, чтоб рубить, так и для того, чтобы колоть. За плечами они носят ружьё, из дула которого они могут много раз

друг за другом выстреливать заряды, предназначенные для того, чтобы делать дырки в людях с большого расстояния, с такой пробивной силой, что можно убить сразу двоих, стоящих друг за другом. Приклад ружья тяжёл и громоздок. Он служит для разбивания человеческих черепов. Под пупком у них привязана сумочка, содержащая ещё много зарядов, на случай, если те, которые в стволе ружья, не исполняют своей обязанности. Их деятельность состоит в многолетней тренировке в использовании обозначенных предметов на случай надобности. Во дворах домов, где они вынуждены жить вместе, сотнями, стоят изготовленные из древесины, похожие на людей куклы-солдаты. Фантазия военных учеников приучивается узревать в этих куклах живые подобию Бога, а затем они должны в них стрелять. Кроме того, в них воспитывают слепое подчинение другим людям, к которым они в нормальной жизни не имеют никакого отношения. Чтобы они к этому привыкали, им даются задания, которые не содержат вообще никакого узнаваемого практического смысла. К примеру, они зачастую должны, когда им приказывают идти, построившись в группы, все одновременно поднимать колени к животу, затем выбрасывать ступни далеко вперёд и ударять ими по земле с громким стуком, и так действовать попеременно правой и левой ногами. Начальству они должны оказывать особые почести, для чего им, смотря по ситуации, служат ружьё, головной убор или шов на штанах. Но их приветствие относится не к персоне начальника, но к его одежде, украшенной ещё большим количеством золочёной жести, чем их собственная.

Оплачивать эти развлечения должен народ многими процентами плодов своего труда; несмотря на то, что налоговые требования к людям велики, на протяжении лет не прекращаются экономические кризисы, а последствиями этих кризисов

ский народ. В то же время он сделался хозяином их городов. То, что грабёж даётся ему несколько тяжелее, чем он себе представлял, и что он поэтому склоняется к тому, чтобы смириться с интервенцией южноамериканских республик, ничего не меняет в том факте, что этот человек, наполняющий европейскую либеральную прессу осчастливливающими человечество манифестами, вторгся в чужую страну как инструмент эксплуататорских миллиардеров ради лёгкой наживы. По его версии – чтобы навести порядок, навести порядок в тот момент, когда в его собственной стране, в штате Колорадо, подчинённая ему солдатня ведёт кровавые бои против бастующих рабочих и заставляет женщин и детей умирать в страшных мучениях.

Ну вот, — слышу я снова, как, триумфируя, восклицают мои восхищённые армией друзья. Здесь снова видно, как желанно Богом и неоспоримо содержание сильной, постоянно готовой к бою армии. Даже во времена мира она должна быть наготове – против внутреннего врага!

цифистски раскрашенным президентом Вильсоном, профессором и социально просвещённым писателем.

Мексика находится уже много лет в состоянии чистейшего внутреннего раздора. Знаменитые земельные законы Порфирио Диаса накаляют страсти, и в весьма напряжённых боях, которые много раз почти приводили повстанцев к победе, им приходилось снова и снова обращать оружие против предательства собственных предводителей, которые сделали революцию прикрытием личных тщеславных интересов. К какому сорту предводителей относятся повстанческие генералы Вилья и Карранса – из Европы толком и не разглядишь. Но тот факт, что они приняли благожелательное подмигивание США в борьбе против демократического деспота Уэрты, показывает их не очень достойными доверия. Тут-то и становится видно, чего добились ошастливливатели народов, Вильсон и Брайан, своей дружелюбностью к повстанцам: полной неразберихи в стране, дабы легче было устроить переворот.

Повод к мексиканской войне так же неприятен, как и смехотворен. Долгие дни во всём мире самым горячим вопросом было: станут ли корабли Уэрты приветствовать флот янки двадцати одним выстрелом, ответят ли им пушки Вильсона и будет ли принято требование Уэрты, чтобы салютная стрельба происходила попеременно, или вместо этого разразится война? Естественно, случилось то, чего и добивались со всей унижительной тупостью: американцы захватывают Веракрус, то есть начинают войну без объявления, чтобы придать себе вид воспитателя. Редко начиналась подобная акция с таким лицемерием, как эта «карательная экспедиция». Североамериканские апостолы мира проливали слёзы отчаяния, так как ради них проливалась кровь, а господин Вильсон объявил мексиканскому народу, что ему нужен только президент, но ни в коем случае не мексикан-

являются безработица и снижение рождаемости, результатами которых являются, в свою очередь, пониженная производительность народа и, естественно, так как требования милитаризма не уменьшаются, а постоянно повышаются, — создание и постоянство дальнейших, всё более злобных кризисов.

Цена этих жертвоприношений собственной воли и народной силы будет видна, когда однажды будет развёрнуто военное знамя. Тогда воодушевлению в народе не будет предела. Тогда прояснится такая картина: к тем, которых как раз муштруют в казармах, присоединятся ещё более молодые солдаты и молодежь, которая должна бы, вообще-то, ждать своего обучения. Молодых мужей и отцов заберут из домов их надежд. Сыновьям должно выйти на поля славы. Студенты, учащиеся всех профессий должны прервать свое развитие, чтобы принять участие в войне, чьих мотивов они не знают и не узнают, которые всё равно не имеют ничего общего с их интересами. Они идут в опасность и на смерть не добровольно, но по принуждению и без выбора. Отказ был бы смертью.

И вот армия, чья общая сила равняется многим миллионам людей, приходит в движение. Отдельные дивизии стремятся достичь границы страны, с чьей армией следует вести бои. В своей стране уже царят траур и отчаяние. Матери, жёны и девицы оплакивают мужей и сыновей. Урожаи растаптываются лошадьми и людьми, вся торговля, всё производство стоит, продукты питания портятся и становятся невероятно дорогими, распространяются болезни и нищета намечается повсюду.

Нужно ли рассказывать, что случается потом? Не потребовались ли бы мне часы и часы, чтобы перечислить всё то ужасное, что составляет сущность войны? Задумайтесь об описаниях тех, кто участвовал в таких героических походах. Задумайтесь о том, города осаждаются и мрут голодом, при этом уми-

рают сотни и сотни от голода, задумайтесь о том, как штурмуют города, как их обстреливают и поджигают, и как дети, женщины, старики, больные и увечные расстаются с жизнью – за Родину! Задумайтесь о покорении городов, как солдаты, неделями вдалеке от юбок, с ошалелыми нервами набрасываются на чужих женщин. Задумайтесь о внутреннем одичании каждого, кто в постоянном страхе за свою жизнь ежедневно наблюдает смерть и трупы, в ком от этого просыпаются хищнические инстинкты и кого, к тому же, ежедневно поучают, что убийство людей – это храбрость. И задумайтесь о самих битвах в современных войнах! Где там ещё что-то от личного мужества? Как машинально и нехрабро сражаются сегодня! Из замаскированных оков стреляют из пушек и ружей по тому месту, где предполагают противника, взрывают бомбы и сами разрываются осколками гранат, не видя, откуда приходит смерть. Бой невидимок против невидимок – это ли не самое страшное насмехательство над всем человеческим достоинством?

Но даже среди читателей этих строк достаточно тех, кому моя пламенная ненависть к войне кажется детской и глупой, тех, кто не знает ненависти против учреждений и традиций потому, что зрелы и знают толк в жизни. Они утверждают, что армейская муштра – это просто здоровое воспитание тела, а мнения, что физические упражнения, которые проводятся по принуждению и при умерщвлении собственной воли, никак не могут быть здоровыми, – для них пустой звук. Они говорят, что природа насылает на человечество болезни, которые уносят больше жизней, чем самые кровавые войны, и что войны – такие же мудрые меры природы, как и болезни, само собой, которые добродетельно пускают кровь пышущим здоровьем и силой народам.

Как только эти логично рассуждающие умудряются восхвалять всякий прогресс науки, который приводит к победе над эпидемиями? Кто оправдывает войну такими аргументами, у того нет права радоваться победам над эпидемиями чумы и холеры, изобретению серума, сальварсана, мезоториума, как победам человечества. Что для людей хорошо, должно бы и для Господа Бога быть приемлемо. Либо мы хотим с радостью переносить желаемые судьбой зачистки среди людей, и тогда борьба против бактерий – лицемерие, либо мы хотим защищаться от опустошающего несчастья, тогда нам следует предохраняться от войны, как от любой другой чумы.

Но экономические потребности народов вызывают войны. Когда страна более не может прокормить своих людей, ей приходится отбирать поля у соседей. Чушь! С тех пор, как капитализм правит миром, почти каждая война велась богатыми против бедных. Сильный высасывает кровь у слабого. У государства это точно так же, как у людей. Накопление власти не предполагается потребностью, но есть цель сама по себе, как и накопление капитала, чья прибыль никому не идёт на пользу, – самоцель для современных денежных магнатов. Накопление власти государств, однако, ради которого ведутся войны, есть в действительности накопление капитала отдельными капиталистами. Прочие должны жертвовать жизнью, имуществом, работой, надеждой и счастьем, как мелкие государства – самостоятельностью, национальным имуществом и самобытностью. А Крест Христов, Божье имя, постулаты справедливости и моральности издают всякий раз колокольный звон, под который пушки заряжаются для войны.

Замечательный пример того, как бессовестная жадность инсценирует войны, подают в настоящий момент Соединённые Штаты Северной Америки, представляемые приличным, па-